

РЕЛИГИОЗНЫЙ ЭКСТРЕМИЗМ И НОВЫЕ ФОРМЫ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ НА СЕВЕРНОМ КАВКАЗЕ

*Александр Искандарян
Центр кавказских исследований*

События в восточной части Северного Кавказа подтверждают худшие опасения экспертов о том, что этот очаг нестабильности останется таковым на долгое время. Между тем некоторые особенности выделяют этот конфликт из ряда предшествовавших ему войн на постсоветском пространстве. Возможно, уже следует говорить о специфической «культуре нетерпимости», новом варианте специфической религиозно-политической идентичности, рождающейся в условиях открытого (в случае Чечни), или латентных этнополитических конфликтов и конфликтов идентичностей. Носителей этой «культуры», или политической идеологии в прессе принято обычно не совсем грамотно называть «ваххабитами»

Реальный ваххабизм (по имени арабийского проповедника XVIII века Мухаммада ибн. Абд ал-Ваххаба ат-Тамими) является основой официальной версии ислама в Саудовской Аравии и к Северному Кавказу имеет весьма опосредованное отношение. Т.н. северокавказских «ваххабитов» правильнее было бы называть религиозными экстремистами или салафитами, сторонниками возвращения этических норм раннего ислама. Тем не менее явление существует, причем зародился этот вид исламского радикализма на Северном Кавказе поначалу в Дагестане, и только потом проник в Чечню. Во время чеченской

войны естественным образом это явление в Чечне усилилось, радикализировалось, не исчезнув, однако и в Дагестане и распространившись на другие районы Северного Кавказа.

Как и всякая религия, традиционный ислам подвергался преследованиям в СССР. Ограничивались возможности духовного образования, строительства мечетей, хаджа (паломничества в Мекку) и т.д. В результате к концу 80-х религия сохранилась практически только на уровне бытовой культуры и как часть этнического самосознания, мусульманство выступало скорее как часть национальной культуры, чем как система взглядов. В Дагестане, наиболее исламизированном регионе Кавказа, в конце 80-х было всего 16 действующих мечетей (сейчас, по оценке, более 5 000). Возрождение ислама, таким образом, стало частью процесса религиозного возрождения в СССР. Растет и количество исламских духовных учебных заведений. Однако, кроме консервативного роста, наблюдается также и появление новых для региона форм исламской идентичности, в том числе и т. н. радикальных и политических.

Дагестанские «ваххабиты» появились в конце 80-х, когда в результате расширения свобод тогда еще в СССР, стало возможным изучать религию не только в рамках «официального ислама», ездить в мусульманские страны Ближнего Востока, заниматься проповеднической деятельностью и т.д. Естественно, реисламизация региона привела и к зарождению и тех форм религии, которые свойственны всем мусульманским странам – радикального политического ислама. Адептов этой протестной идеологии, конечно же, обвиняют в том, что они получают помощь из-за рубежа. Люди привыкли ассоциировать с исламом ту его форму, которая сложилась на данной территории исторически, со всеми наслоениями из народных обычаев и традиций. Помощь из Саудовской Аравии и других ближневосточных стран,

действительно поступает, однако рассматривать это явление как целиком привнесенное извне не следует — у него несомненно есть глубокие внутренние причины.

На Северном Кавказе, более, чем где-либо еще в России имеются социальные условия для зарождения радикалистски-эгалитаристских идеологий на основе ислама. Социальной основой для исламского радикализма, как и на Ближнем Востоке является пауперизированная молодежь. Поначалу это обновленческое течение в исламе не могло завоевать широкой популярности, находя сторонников в среде полумаргинальных исламских интеллектуалов. Однако по мере обнищания населения в результате краха советской экономики популярности «ваххабизма» в республике росла. В горных районах при высокой рождаемости и критической нехватки пригодной для обработки земли, практически отсутствуют перспективы для молодежи. Безработица среди молодых кое где достигает 85%. Уровень жизни чрезвычайно низок даже для России и это на фоне коррумпированности элит и криминализованности всей экономической сферы. Все это естественным образом приводит к популярности лозунгов социального равноправия, обличению коррумпированных властей и критике погрязших в роскоши и лицемерии «официальных» мулл.

Соответственно, примерно с середины 90-х, в Дагестане начали образовываться джамааты (общины) последователей «нового ислама», которые практически не подчинялись, или почти не подчинялись центральным властям. В Дагестане существовали уже десятки джамаатов, причем в двух — Карамахи и Чабанмахи — жители формально провозгласили независимость от светских властей. Иногда происходили столкновения жителей джамаатов с жителями соседних сел, в том числе вооруженные. Случались и столкновения дагестанских «ваххабитов» с российскими военнослужащими. Власти довольно неуклюже

пытались противодействовать радикалам запретительными мерами и полицейскими акциями, что не могло привести ни к какому результату, ибо зачастую «ваххабиты» были вооружены лучше полиции. Однако преследования «ваххабитов» и резко отрицательное отношение к ним общества привело к миграции последних в неподконтрольную ни дагестанским, ни московским властям Чечню. Там они концентрировались также в джамаатах, наиболее известный из которых, возглавляемый иорданцем Хаттабом, находился в селе Сержень-Юрт.

После начала боевых действий в Дагестане, а затем в Чечне, джамааты были разгромлены. Военные, которые воспринимают эти действия, как реванш за поражение в Чечне вполне смогли найти сочувствие в руководствах северокавказских республик, воспринимающих протестный потенциал «нового ислама» как угрозу всему строю клановой системы власти в республике. В условиях, когда зачастую основной сферой экономики в республиках является распределение федеральных трансшей (Дагестан например примерно на 90% дотируется из федерального бюджета), политическая, экономическая, криминальная и этнически-клановая элиты слиты. Власти могут пока консолидировать большую часть обществ против «чужеродного ислама», но не устранить причины, ведущие к нему.

Конечно же, «ваххабизм», как явление никуда не исчез, более того, идеи политического ислама становятся все более популярны, они активно распространяются на западные районы Северного Кавказа. Принадлежность к некой специфической субкультуре становится частью этнической и социальной идентичности, особенно в среде молодежи. Явление это еще слабо изучено. Политический ислам Северного Кавказа очень неоднороден, но тем не менее вполне способен заполнить собой ту «нишу» идентичности, которая образовалась за последние годы.